

КАНИТЕЛЬ

В эмиграции себя многие ищут, знаете ли. И такое в себе находят! Вот я, например, нашла посудомойку. И даже планировала профессионально вырасти до повара, но тут во мне еще писатель обнаружился. Литератор осмотрелся на местности и тут же сцепился с судомойкой. Та в долгую не осталась. Гвальт целый день в голове, метафоры и сложноподчиненные оскорблении. Но постепенно втянулась. Работу бросила – внутренний диалог очень увлекательный. Денег нету ни копья, зато все пишу, пишу... А в последнее время хочется еще немножечко шить.

* * *

Тут интересно вышло, на днях. Тут Валерка один приехал, с Украины. Он за семьей своей ездил на родину, и сейчас как раз возвращался, радостный – жене визу дали. А у него с собой самогонный аппарат случился. В Австралии конечно удивились немного, на таможне. И давай Валерку шмонать. Сало, наверное, подозревали. А у него там печатей кой-каких с собой было, да еще бумаги посольские для одних хороших людей, ну и аппарат до кучи. Таможенники сильно этим делом увлеклись. Особенно печати им понравились. Университетская одна, а вторая и вовсе – института одного незначительного. А что делать? У Валерки ведь все село в АУ налилось. Университеты-то далеко. Ну и вот. Но не волнуйтесь, не волнуйтесь. Аппарат отдали, слава богу. Так что будем теперь бутыль искать. На 30 литров надо. Уже ищем. Бегаем тут.

Тургенев, с котелком.

А почему это птицы туда-сюда летают, не знаете? Мы вот с Баклажаном недавно смотрели на небо, а там птицы стаями летят: туда. В теплые края, наверное. А потом – фрррр: обратно. Уже вернулись. Зачастили чего-то. Нервничают наверное. Хотя, если это попугай, то тут и думать нечего: бессмысленные животные. А Баклажан – это кот, если кто не знает.

Отключилась клавиша delete. Все работы временно отложены. Муж обещал посмотреть. Два дня прошли отлично: легкие прогулки, необременительная переписка. Вчера звонил заказчик. Хочет черновой вариант. Долго орала на мужа. Он сказал, что подумает. Отковыряла клавишу delete и нашла гнездо муравьев. Муравьев дognala и убила. Муж на работе. Delete стал работать через раз, зато отключился backspace. Орала на мужа, но недолго: на мобильном минуты платные. Обещал подумать, когда вернется.

Чтоб развеяться, кота помыла. Потом сушила, у камнина. Полотенце, щетка, фен, кота держать – с ума сойти можно. Чистила клаву пылесосом. Муравьи ушли, а волосы остались. Стала открывать нижнюю крышку. Открылась, только хрустнула в середине. Вытряхнула шерсть и мелкие камни. Клавиши стали отваливаться сами. Замочила с порошком. Просушила салфеточкой.

Долго присобачивала буквы назад. Выяснилось, что они идут не по алфавиту! Проклятые муравьи. Теперь отключился пробел. Хлопнула клавой об стол (буквы осыпались) и ушла в сад. А там весна. А я как дура.

Слышу, опять звонит. Заказчик. У него, бедняжки, Експлорер рухнул, а сверху еще Виндовс Миллениум упал. Дня три ему теперь без интернета, это минимум. Так что я пирог с яблоками сейчас делаю. А муравьи по столу бегают.

Шли мы однажды с товарищами по родине своей, вдоль дома панельного, белого. А впереди дядя шел, мрачный очень, спина такая угрюмая. Мы за ним шли, а он, фашист этот, нес курицу, знаете, свежую. Она совсем без перьев была, в апреле. Он ее за одну лапу держал небрежно. Циничный такой, просто ужас. Долго мы шли. Он впереди, а мы за ним. А второй лапой курица почти по земле скребла. Вот как бывает на свете.

* * *

Тут одна немка у нас есть, из Австрии. У нее папа член ООН. Ну, может и не полностью член, а так только, работает. А у него ферма, у папы, в Австрии. Шесть котов, семь собак и лошадей конюшня. И они собираются всю эту компанию перевозить в Австралию, папа уже притомился в ООН. Ну, переживают, конечно, как пойдет. Котов-то с собаками еще ладно, их в пассажирский салон посадят, они с папой бизнес-классом полетят. В крайности, папа самолет арендует. Доберутся.

А с лошадками проблемы, потому что в салон нельзя точно, они узнавали. Коням специальный самолет нужен, но туда папу не пустят сто процентов, ни за взятку, ни как члена ООН. Для коней там стойла, а папе места нет.

Главное, кони ужас какие умные, их нельзя нервировать, и посторонние люди их раздражают предельно. В общем, полное отчаянье.

И тут выплывают две дамы, они тоже в ООН работают, у них коты. Одна дама из США, другая из Канады, что ли. И страстно любят своих котов, прям до беспамятства. Всюду с ними.

И когда с котами у них возникают психологические проблемы... То есть нет, когда у котов возникают с дамами коммуникационные коллизии: депрессии там, или кушают плохо, дамы сразу обращаются к консультанту. Они его с собой привезли, для создания психоэмоционального комфорта у котов.

Это настоящий индеец, чесслово. Его зовут Маленький Красный Волк. Он умеет говорить с котами, специальный индеец. Волк сперва говорит с котами приватно, потом объясняет дамам, в чем была их ошибка.

И тут, значит, папа, очень переживает за животных, как-то ведь их надо подготовить к Австралии. И он пригласил Маленького Красного Волка к себе. Объяснил – лошади, мол, и все такое.

Волк сразу спросил по телефону – брать ли ему свое лассо. Это было неудачное начало, скажем прямо. На папу это плохо подействовало. Тут Волк, конечно, промахнулся. У индейцев и вообще плохая репутация, в конских вопросах.

Папа сказал суроно:

– К лошадям позже, ты еще не готов. Сиди смирно в гостиной, я пускаю собак. И пустил.

Собаки стали скакать кругом Маленького Волка, топать, гавкать и бросаться. Веселые! Обхочохочешься.

А за собаками следом папа выскакивает, и с вопросами тут же:

– Ну, что? Что они говорят? Вон та, толстая, – про что сейчас гавкает?

Волк съежился и тихо попросился на конюшню.

– Я, – говорит, – не могу так работать. – Обстановка шумная. Язык незнакомый. Коней давайте.

– Ну ладно, – холодно сказал член ООН. – Пошли.

И Волк поплелся за папой на конюшню. Там стояли папины любимчики. Гладкие, умные и нервные. А Маленький Волк оставил дома свое лассо. Причем папа сразу у выхода встал. И главная лошадь уже начала Волка подкусывать. Может, для знакомства, не знаю.

И папа опять вылез:

– Ну, что она тебе сейчас сказала, вот когда за ухо хватала.

Маленький Красный Волк стал совсем серый.

– Я не могу так, мистер, – он сказал. – Потому что тут, знаете ли, есть разница, когда ты говоришь с одним воспитанным домашним котом с маленькой депрессией, и когда на тебя спускают свору толстых доберманов. А потом нервные кони ухи хватают как капусту в мае. Не понимаю я ихнего. Отпустите меня, мистер!

В общем, все в переживаньях теперь. Как лошадям про самолет-то сказать, чтоб не расстраивать?

Можно конечно морем. Два месяца на теплоходе, с шестью котами, сворой собак и компанией коней. Папа еще не решился. Хотя летать ужас как ненавидит.